

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда

город Санкт-Петербург

25 апреля 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В.Касаевой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ивановского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое в запросе законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, объяснения представителей стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации для целей этой статьи и статьи 264¹ данного Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Конституционность приведенного законоположения ставится под сомнение в запросе Ивановского областного суда, в кассационном производстве которого находится уголовное дело в отношении гражданина Ж., признанного приговором Фрунзенского районного суда города Иваново от 24 октября 2016 года виновным в совершении предусмотренного частью шестой статьи 264 УК Российской Федерации преступления, выразившегося в том, что 22 марта 2015 года, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, он допустил нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц. При этом суд первой инстанции установил, что Ж. скрылся с места дорожно-транспортного происшествия до прибытия сотрудников полиции, был объявлен в розыск и явился в следственный орган лишь 16 марта 2016 года, в связи с чем вывод суда об управлении автомобилем в состоянии опьянения был основан не на результатах медицинского освидетельствования Ж., а на исследовании иных собранных по делу доказательств.

Отвергая доводы апелляционных жалоб осужденного и его адвоката о невозможности установить факт опьянения водителя в момент аварии иначе как путем проведения освидетельствования или судебной экспертизы и оставляя приговор без изменения, Ивановский областной суд, исходя, помимо прочего, из адресованного водителю, причастному к дорожно-транспортному происшествию, в котором погибли или ранены люди, требования ожидать сотрудников полиции (пункт 2.6 Правил дорожного движения Российской Федерации), указал, что действия Ж., который скрылся с места аварии до прибытия сотрудников полиции и продолжал скрываться в дальнейшем, по своей сути равнозначны отказу от прохождения освидетельствования (постановление от 30 января 2017 года). Судья того же суда в передаче жалобы адвоката Ж. для рассмотрения в кассационном порядке отказал (постановление от 4 мая 2017 года), однако судья Верховного Суда Российской Федерации счел доводы стороны защиты о неправомерном признании Ж. находящимся в

состоянии опьянения заслуживающими внимания и подлежащими оценке в судебном заседании президиума Ивановского областного суда, поскольку после аварии освидетельствование Ж. не проводилось, а ко времени его задержания возможность установить факт опьянения при управлении автомобилем была уже утрачена (постановление от 28 сентября 2017 года).

В свою очередь, Ивановский областной суд, придя к выводу о наличии неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации подлежащий применению в рассматриваемом им деле пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации, постановлением от 17 ноября 2017 года производство по делу приостановил и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке его конституционности.

По мнению заявителя, данное законоположение противоречит статьям 1, 15 (часть 4), 18, 19, 45 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не предполагая возможность подтвердить состояние опьянения иными, кроме медицинского освидетельствования, доказательствами, препятствует привлечению к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, лиц, скрывшихся с целью уклониться от освидетельствования с места дорожно-транспортного происшествия до прибытия должностного лица, наделенного правом контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспорта, что не отвечает требованиям справедливости мер уголовно-правового характера, направленных, в числе прочего, на предупреждение новых преступлений, и, вопреки конституционному принципу равенства, ставит этих лиц в преимущественное положение по сравнению с теми, чья виновность в совершении других уголовно наказуемых деяний в состоянии опьянения может быть установлена на основе иных доказательств.

Таким образом, учитывая требования статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

Российской Федерации», пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании решается вопрос о возможности признания скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия лица находившимся в состоянии опьянения при управлении транспортным средством для применения в его отношении предусмотренных статьей 264 УК Российской Федерации мер уголовной ответственности.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы и обязанность которого составляют признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, обеспечение их правосудием на основе равенства перед законом и судом (статья 1, часть 1; статьи 2 и 18; статья 19, часть 1; статья 46, часть 1), а потому к качеству законов, опосредующих взаимоотношения граждан с публичной властью, в частности устанавливающих меры юридической ответственности за правонарушения, предъявляются особые требования.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов правового государства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование формальной определенности, ясности и непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что противоречит конституционному принципу равенства, предполагающему одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях, и ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая

2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 27 июня 2013 года № 15-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П, от 22 апреля 2014 года № 12-П, от 14 июля 2015 года № 20-П, от 17 января 2018 года № 3-П и др.). Особую значимость требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования имеют для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности.

Оценивая конституционность нормативного регулирования оснований, условий и пределов юридической ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.):

закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающим из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критерием соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантируемое ее статьей 19 (часть 1) равенство всех перед законом и судом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть определены в законе таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий, бездействия;

виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов; в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое заключается, главным образом, в превентивном использовании присущих

ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства;

в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма;

названные конституционные принципы определяют дифференциацию юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Вместе с тем криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков общественной опасности у каждого из них, – такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления. В частности, общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на

охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления). Из приведенной правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П, следует, что федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности.

3. Формулируя общие признаки субъекта преступления, федеральный законодатель предусмотрел в статье 23 УК Российской Федерации, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности (тем самым физиологическое алкогольное опьянение не отнесено к состоянию невменяемости). Более того, в силу части первой¹ статьи 63 данного Кодекса в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного суд, назначающий наказание, может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением названных средств и веществ. Следовательно, установление факта совершения преступления в состоянии опьянения не исключает уголовную ответственность, но может учитываться при ее индивидуализации.

С учетом того что само по себе использование транспортных средств создает повышенную опасность для окружающих (пункт 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации), а управление ими в состоянии опьянения объективно снижает уровень безопасности дорожного движения, Федеральным законом от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» запрещена эксплуатация транспортных средств лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (пункт 2¹ статьи 19). Правила дорожного движения Российской Федерации (утверждены постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090) также запрещают водителю управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения (пункт 2.7).

Обязательность соответствующих запретов обеспечивается, как правило, закреплением санкций за их несоблюдение. Исходя из этого федеральный законодатель был вправе предусмотреть ответственность за несоблюдение запрета на управление транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения, которая в системе действующего правового регулирования имеет преимущественно административно-правовую природу (статья 12.8 КоАП Российской Федерации).

Вместе с тем – в целях усиления ответственности за несоблюдение указанного запрета – Федеральным законом от 13 февраля 2009 года № 20-ФЗ в статью 264 УК Российской Федерации введены новые разновидности состава предусмотренного ею преступления (части вторая, четвертая и шестая), связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенным лицом, находящимся в состоянии опьянения, а Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ данная статья дополнена примечаниями: согласно их пункту 2 (уточненному Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 328-ФЗ)

находящимся в состоянии опьянения признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В то же время Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ статья 12.8 КоАП Российской Федерации дополнена указанием на наступление административной ответственности за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, притом что годом ранее, когда федеральный законодатель отказался от введенного для водителей абсолютного запрета на содержание алкоголя в крови, эта статья была дополнена примечанием, закрепившим, что предусмотренная ею и частью 3 статьи 12.27 данного Кодекса ответственность наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека (пункт 20 статьи 1 Федерального закона от 23 июля 2013 года № 196-ФЗ).

Исключение пунктом 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации возможности подтвердить факт употребления вызывающих

алкогольное опьянение веществ лицом, управлявшим транспортным средством, при недостижении минимальной границы, которая определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, направлено на унификацию уголовного и административно-деликтного законодательства, вследствие чего составообразующим признаком преступления признается лишь такое управление транспортным средством в состоянии опьянения, которое при отсутствии общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти человека является административным правонарушением (за исключением случаев, предусмотренных статьей 264¹ УК Российской Федерации).

Использование в смежных отраслях права единых признаков специального субъекта ответственности, дающих основание считать его лицом, употреблявшим вызывающие алкогольное опьянение вещества, равно как и одинаковая оценка управления таким лицом транспортным средством как представляющего серьезную опасность для участников дорожного движения согласуются с принципами юридического равенства и справедливости. Конкретизация же признаков наличия в организме водителя минимального уровня этилового спирта, по достижении которого он признается находящимся в состоянии опьянения, призвана исключить его произвольное привлечение к ответственности и сама по себе не противоречит требованиям правовой определенности.

Таким образом, названные положения уголовного и административно-деликтного законодательства системно согласованы и, имея целью обеспечить соблюдение запрета управлять транспортным средством в состоянии опьянения, предусматривают объективно оправданную дифференциацию публично-правовой ответственности водителей в зависимости от наступления или ненаступления в результате их общественно опасного поведения тех или иных последствий.

4. Эффективный контроль за соблюдением запрета на употребление водителями вызывающих опьянение веществ предполагает наличие как механизмов, обеспечивающих выявление фактов их употребления, так и соответствующих обязанностей и ограничений, которые должны налагаться с тем, чтобы воспрепятствовать лицам, находящимся под воздействием алкоголя, управлять транспортными средствами.

В частности, пункт 1 статьи 31 Конвенции о дорожном движении от 8 ноября 1968 года, характеризуя должное поведение водителя в случае дорожно-транспортного происшествия, указывает на его обязанности по возможности быстрее остановиться, не создавая дополнительной опасности для движения (подпункт «а»), а когда в результате дорожно-транспортного происшествия имеются раненые или убитые, сообщить об этом в службу дорожного движения и, если ему не разрешено покинуть место происшествия или если он не должен оказать помощь раненым или получить медицинскую помощь сам, возвратиться к месту происшествия или оставаться на месте до прибытия сотрудников службы дорожного движения (подпункт «d»). Введение обязанности лица, подозреваемого в совершении правонарушения во время управления транспортным средством под влиянием алкоголя, пройти исследование для определения его состояния, когда его поведение свидетельствует об алкогольном опьянении, равно как и установление ответственности за несоблюдение этой обязанности вытекают из Резолюции (73) 7 Комитета Министров Совета Европы от 22 марта 1973 года «О наказании за нарушения правил дорожного движения, совершенные при управлении транспортным средством под воздействием алкоголя», требующей обеспечения в национальном законодательстве принципа, в силу которого никто не может отказаться или уклониться в указанном случае от проведения теста дыхания, анализа крови или медицинского освидетельствования.

Приведенным положениям корреспондируют предписания Правил дорожного движения Российской Федерации, обязывающие водителя не покидать место дорожно-транспортного происшествия и ожидать прибытия

сотрудников полиции (пункты 2.5 и 2.6), а также проходить по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения (пункт 2.3.2). При наступлении же тяжких последствий в результате нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения (тяжкий вред здоровью, смерть) признаки опьянения устанавливаются и оцениваются с учетом законодательно определенных правил уголовного судопроизводства, для которого нормы уголовного закона, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, служат материально-правовой предпосылкой (Постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П).

В пункте 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации используются два критерия признания лица, управляющего транспортным средством, специальным субъектом, указанным в ее частях второй, четвертой и шестой: установление факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях; невыполнение им законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, факт употребления лицом, управляющим транспортным средством, веществ, вызывающих алкогольное опьянение, должен быть установлен по результатам

освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а наличие в организме такого лица наркотических средств или психотропных веществ – по результатам химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения, проведенных в соответствии с правилами, утвержденными Правительством Российской Федерации, и в порядке, установленном Министерством здравоохранения Российской Федерации, либо по результатам судебной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (пункт 10¹, введенный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 года № 22).

Соответственно, невозможность установить факт употребления лицом, управлявшим транспортным средством, вызывающих алкогольное опьянение веществ (по причине удаленности медицинского учреждения, отсутствия специалистов для проведения освидетельствования или экспертизы и др.) не должна – исходя из принципа презумпции невиновности – расцениваться как допускающая выявление признака специального субъекта преступлений, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, иными способами.

Таким образом, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации в части закрепления первого из указанных в нем критериев направлен на создание – в пределах законодательной дискреции – правовой гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности в соответствии с частями второй, четвертой и шестой данной статьи, исключая отнесение вопреки требованиям уголовного закона к числу специальных субъектов предусмотренных ими преступлений управлявших транспортными средствами лиц, в состоянии опьянения не находившихся, а потому ни сам по себе, ни по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не может

расцениваться как противоречащий требованиям Конституции Российской Федерации, ее статей 19 (часть 1), 49 и 55 (часть 3).

Что касается второго критерия, позволяющего признавать специальным субъектом соответствующих преступлений лицо, оставшееся на месте дорожно-транспортного происшествия, но не выполнившее законное требование о прохождении освидетельствования на состояние опьянения, то конституционность данного законоположения в таком аспекте в запросе Ивановского областного суда не подвергается сомнению и тем самым не является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в рамках настоящего дела.

5. В отличие от признаков, характеризующих общественную опасность нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, последующее поведение такого лица принципиально не меняет юридическую оценку этой опасности, но может быть принято во внимание при уголовно-правовой дифференциации и индивидуализации содеянного.

Уголовный кодекс Российской Федерации предписывает, в частности, признавать смягчающим обстоятельством оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, другие действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (пункт «к» части первой статьи 61), а также учитывать последующее позитивное поведение совершившего преступное деяние лица при решении вопроса о возможности его освобождения от уголовной ответственности (статьи 75–76²); напротив, течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76² данного Кодекса (часть третья статьи 78).

5.1. Касаясь вопроса о конституционности введения самостоятельной публично-правовой ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: закон, закрепляя обязанность лица, управляющего транспортным средством, под угрозой наказания оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия, связывает данную обязанность с интересами всех участников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия; это обусловлено в том числе характером отношений, складывающихся между водителем, управляющим транспортным средством как источником повышенной опасности, и другими участниками дорожного движения, и не противоречит требованию статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц; вводя ответственность за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, включая право на жизнь и здоровье, обеспечивать права потерпевших от преступлений (статья 2; статья 20, часть 1; статья 21; статья 41, часть 1; статья 45, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации) (Постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П, Определение от 7 декабря 2010 года № 1702-О-О).

В силу приведенной правовой позиции само по себе закрепление обязанности водителя не покидать место дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал, и ожидать прибытия сотрудников полиции, равно как и установление, исходя из определяемых Конституцией Российской Федерации основ публично-правовой ответственности, неблагоприятных последствий невыполнения этой обязанности, обусловленных собственным противоправным поведением водителя, направлены на защиту прав и свобод других участников дорожного

движения, предупреждение правонарушений в данной области, в том числе совершаемых под воздействием вызывающих алкогольное опьянение веществ, и как таковые согласуются с требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

В настоящее время невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, включая оставление водителем в нарушение правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, влечет административную ответственность по статье 12.27 КоАП Российской Федерации. Статья же 264 УК Российской Федерации не предполагает отнесение к специальным субъектам, предусмотренным ее частями второй, четвертой и шестой, лиц, покинувших место дорожно-транспортного происшествия, независимо от причин и мотивов, обусловивших такое поведение. Хотя оставление места дорожно-транспортного происшествия может быть продиктовано, в частности, стремлением водителя скрыть факт опьянения, чтобы избежать таким образом привлечения к более строгой уголовной ответственности, оно не равнозначно ни установлению факта опьянения, ни отказу от прохождения освидетельствования, предусмотренным пунктом 2 примечаний к данной статье.

5.2. Пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не содержит прямого указания на то, какие правила признания водителя находящимся в состоянии опьянения должны применяться в случае, если он скрылся с места дорожно-транспортного происшествия, имеющего признаки преступления, предусмотренного данной статьей. В связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 разъясняется, что водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 УК Российской Федерации, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в

состоянии опьянения на момент управления транспортным средством; в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения (пункт 10²).

Из этого следует, что установление состояния опьянения на момент управления транспортным средством исключительно по результатам освидетельствования или судебной экспертизы интерпретируется в правоприменительной практике как относящееся ко всем специальным субъектам преступлений, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, включая тех, кто покинул место дорожно-транспортного происшествия до прибытия уполномоченного должностного лица. В результате управлявшие транспортными средствами лица, оставшиеся на месте дорожно-транспортного происшествия в соответствии с правилами дорожного движения (в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), оказываются в неравном (худшем) положении по сравнению с лицами, скрывшимися с места дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых возможность подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления в соответствии с пунктом 2 примечаний к данной статье, по сути, утрачивается. Такое законодательное регулирование не отвечает цели эффективного уголовно-правового противодействия преступлениям, предусмотренным частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, совершенным лицами, управлявшими транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимися с места дорожно-транспортного происшествия.

Расширительное же толкование пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации, как приравнивающего само по себе оставление лицом, управлявшим транспортным средством, в том числе в состоянии

опьянения, места дорожно-транспортного происшествия к отказу от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, недопустимо в силу требований принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), а также принципа презумпции невиновности (статья 49 Конституции Российской Федерации).

Не конкретизировав уголовно-правовое значение такого противоправного поведения, а также исключив возможность установить факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ лицом, управлявшим транспортным средством, в целях применения частей второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации иными способами, федеральный законодатель тем самым ввел в правовое регулирование норму, направленную на усиление ответственности за соответствующие преступления, но при этом не учитывающую нормативные условия (пределы) ее применения к лицам, управлявшим транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимся с места дорожно-транспортного происшествия.

5.3. Оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал, означает неисполнение им обязанностей, установленных для случаев нарушения правил дорожного движения, и влечет ответственность по статье 12.27 КоАП Российской Федерации. В то же время в случае совершения преступлений, предусмотренных статьей 264 УК Российской Федерации, в том числе ее частями второй, четвертой и шестой, оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управлявшим транспортным средством, не влияет на квалификацию его противоправных действий.

При таких обстоятельствах лицо, управлявшее транспортным средством и оставшееся на месте дорожно-транспортного происшествия, но отказавшееся от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, оказывается применительно к уголовной ответственности в худшем положении, нежели лицо, управлявшее транспортным средством, в

том числе в состоянии опьянения, и скрывшееся с места дорожно-транспортного происшествия, что свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в законодательной дифференциации ответственности, предусмотренной статьей 264 УК Российской Федерации, и входит в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости, а также с требованием соразмерности уголовно-правовой репрессии совершенному преступному деянию.

Вопросы криминализации и пенализации общественно опасных деяний, нормативной дифференциации уголовной ответственности за их совершение относятся к дискреционным полномочиям федерального законодателя. Устраняя выявленный пробел в уголовно-правовом регулировании, он может, во-первых, исключить двойную – по последствиям и по признакам субъекта – дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств путем возвращения к выделению в статье 264 УК Российской Федерации трех частей (как это было до принятия Федерального закона от 13 февраля 2009 года № 20-ФЗ), в рамках которых дальнейшее определение объема уголовно-правовых последствий осуществляется на стадии индивидуализации ответственности судом, а во-вторых, изменить вид ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия посредством его криминализации в форме самостоятельного состава преступления.

Кроме того, хотя в настоящее время в уголовном законе квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, как правило, являются те обстоятельства, которые характеризуют общественную опасность деяния в момент его совершения, конституционные принципы публично-правовой ответственности не препятствуют и дифференциации ответственности в рамках одной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации исходя из поведения водителя после дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал. Не исключены и иные варианты законодательных решений,

призванные нейтрализовать то преимущественное положение, которое создает пункт 2 примечаний к статье 264 данного Кодекса для лиц, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения, нарушивших правила дорожного движения и скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия.

5.4. Таким образом, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные статьей 264 УК Российской Федерации тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение – с точки зрения последствий своего поведения – по сравнению с лицами, управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Вместе с тем утрата пунктом 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации юридической силы в части, препятствующей привлечению к уголовной ответственности в соответствии с ее частями второй, четвертой и шестой лиц, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия, непосредственно с момента провозглашения настоящего Постановления противоречила бы природе Конституционного Суда Российской Федерации как органа, решения которого не должны приводить к ухудшению правового положения граждан в отношениях с государством (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П). Однако и невозможность

привлечения к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений лиц, оставшихся на месте дорожно-транспортного происшествия, как последствие принятия настоящего Постановления, если и способствовала бы реализации принципов справедливости и равенства в соответствующих правоотношениях, в то же время снизила бы достигнутый уровень уголовно-правовой превенции посягательств на жизнь и здоровье в результате управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации, имея в виду принцип конституционной сдержанности, который лежит в основе его деятельности, и требование обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает необходимым установить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – не позднее чем через год после вступления настоящего Постановления в силу устранить выявленные Конституционным Судом Российской Федерации неконституционные аспекты правового регулирования ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством и скрывшимся с места дорожно-транспортного происшествия. Этим не ставится под сомнение правомочие федерального законодателя – в пределах его конституционной дискреции и с соблюдением вытекающих из принципов равенства и справедливости требований соразмерности уголовно-правовых и иных последствий совершенного деяния тяжести содеянного – по выбору правовых моделей, которые могут быть использованы в данной сфере правового регулирования;

впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации;

если до установленного настоящим Постановлением срока федеральный законодатель не внесет в правовое регулирование необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации утрачивает силу, что в контексте правовой позиции о недопустимости ухудшения правового положения граждан в отношениях с государством на основе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации будет означать также и невозможность применения частей второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 87 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные статьей 264 УК Российской Федерации тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение – с точки зрения последствий своего поведения – по сравнению с лицами, указанными в пункте 2 примечаний к

данной статье, т.е. управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством, необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, не позднее чем через год после вступления настоящего Постановления в силу.

3. Впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством, изменений, вытекающих из настоящего Постановления, сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации.

4. Если до установленного настоящим Постановлением срока федеральный законодатель не внесет в правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством, необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации утрачивает силу.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 17-П